

На правах рукописи

АКИМОВА ЕЛЕНА ВИТАЛИЕВНА

**РОЛЬ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Калининград

2014

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Нижевартовский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Щербина Сергей Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Косова Марина Владимировна (ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», профессор кафедры русского языка и документалистики)
кандидат филологических наук, доцент
Калинникова Лариса Николаевна (ФГБОУ ВПО «Калининградский государственный технический университет», зав. кафедрой русского языка)

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева

Защита состоится 26 июня 2014 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56-а (Институт гуманитарных наук), ауд. 28.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте <http://www.kantiana.ru/postgraduate/dis-list/133730/> Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Автореферат разослан __ мая 2014 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

М.С. Потёмина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертационная работа обращена к проблеме становления и функционирования терминов современного отечественного языкознания.

Актуальность данного исследования обусловлена двумя факторами: 1) отсутствием общей цели, единого подхода и единой системы параметров в описании специализированных средств выражения, созданных И.А. Бодуэном де Куртенэ и его учениками; 2) недостаточной изученностью вопросов о генетическом и функциональном статусе терминологического корпуса Казанской лингвистической школы, его динамикой в истории русской грамматической мысли, обусловленной внутренними потребностями развития и функционирования подсистемы.

Объектом исследования являются специальные наименования из области фонетики, фонологии, морфологии, сравнительно-исторического языкознания и психолингвистики, созданные или кодифицированные представителями Казанской лингвистической школы.

Предмет исследования – средства выражения системных, лексико-семантических отношений терминологических единиц, их этимология, пути пополнения метасловаря языкознания, способы структурирования терминов и этапы их кодификации.

Целью настоящей работы является обобщение результатов наблюдений представителей Казанской лингвистической школы [далее КЛШ. – Е.А.] над состоянием терминологической лексики с опорой на материалы современных грамматистов и языковедов XIX– первой трети XX вв. в сравнительно-сопоставительном плане.

Общая цель диссертации предполагает решение следующих задач:

- изложить основные теоретические положения современного терминоведения, которые нашли отражение в терминологической деятельности представителей КЛШ;
- выяснить причины адаптации казанскими грамматистами терминологических лексем отечественного языкознания;

- установить время первичной фиксации терминов, созданных И.А. Бодуэном де Куртенэ и его учениками, и определить причины и стимулы их появления;
- определить этимологизацию терминов и их семантический объём на разных исторических срезах;
- выявить связь между словом и термилируемым понятием и провести наблюдение за процессом поиска адекватных средств для его обозначения;
- проследить целенаправленную терминологическую деятельность казанских исследователей и их последователей по рационализации и кодификации специализированных средств выражения;
- подвергнуть определение терминов прагматическому анализу в целях установления связи между текстовым значением и тезаурусным представлением терминологического значения, выявив общие закономерности и различия;
- путём сравнения терминов и соответствующих дефиниций, используемых разными авторами, выяснить причины различий и основные направления эволюции специальных наименований и их определений;
- выявить системные отношения (гиперо-гипонимические, синонимические, антонимические и омонимические) терминов, созданных представителями КЛШ;
- установить специфику деривации и структурные особенности терминов-новаций.

В работе применялись три основных *метода*: логический и исторический, позволившие объективно оценить исторические процессы зарождения и развития анализируемой терминологической подсистемы, и описательный. Использовался также ряд структурных методик: компонентный и дефинитивный анализ терминов, методика тезаурусного и функционального анализа, учёт особенностей лексической и синтаксической сочетаемости терминов, контекстуальный анализ.

Теоретической базой послужили работы отечественных исследователей по теории термина, а также исследования, посвящённые актуальным

проблемам становления русских терминосистем и особенностям функционирования специальной лексики в русском языке XVI – XIX веков.

Материалом для анализа послужили научные статьи, стабильные учебники и учебные пособия, а также словарные статьи, опубликованные представителями КЛШ. Комплексному анализу подвергнуто 396 терминологических единиц.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые понятийный аппарат КЛШ подвергнут комплексному анализу, базирующемуся на достижениях современного терминоведения. Подобный метаязыковой подход позволяет проследить эволюционный процесс лингвистической терминологии, помогает расширить сведения о динамике номинативных процессов XIX – XX вв., даёт ценный материал о характере взаимосвязи специальных подязыков с другими формами русского национального языка и заимствованиями.

Гипотеза диссертации: термины, созданные представителями КЛШ, отражают сущностные характеристики номинируемых теоретических понятий и научных объектов языкознания; терминологический аппарат КЛШ свидетельствует, что она представляла собой самостоятельное направление, давшее импульс для развития отечественного языкознания в XX в.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно способствует решению проблемы системности терминов (имманентное свойство принадлежности термина к определённой системе) и их систематичности (отражение в форме термина его места в данной системе), даёт возможность определить сущность различных единиц специальной лексики, позволяет выявить основные закономерности развития функциональных подсистем русского литературного языка.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что её материалы и выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по частным проблемам исторического терминоведения, в работах по лингвистическому источниковедению. Материалы и выводы исследования могут найти применение в практике преподавания исторической грамматики, истории

русского литературного языка и истории лингвистических учений, в создании лингвистических словарей.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка (2010 г.), кафедры филологии и массовых коммуникаций (2013 г.) Нижневартковского государственного университета. Содержание работы опубликовано в 8 статьях, четыре из которых вышли в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, включает библиографию, ограниченную работами, на которые имеются ссылки – свыше 300 позиций, и указатель рассмотренных терминов.

Основные *положения*, выносимые на защиту:

1. Научное творчество представителей КЛШ представляет неиссякаемый источник идей и надёжный базис в поступательном развитии русской лингвистической терминологии.

2. В филогенезе терминологический аппарат казанских исследователей является этимологически смешанным.

3. Новые термины создаются способами, характерными для русского общелитературного языка.

4. Термины-новации обладают как линейной одноуровневой, так и иерархической структурой.

5. Терминологическая номинация понятия определяется сменяемостью научных теорий и ограниченностью семантической ёмкости слова.

6. Термины, выражая через языковой знак специальное понятие, сами становятся инструментом познания.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность работы, формулируются цели и задачи исследования, определяется новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, представлена её структура, указываются круг источников и принципы их анализа.

Первая глава – «Проблемы и задачи современного терминоведения» – включает три параграфа.

В *первом параграфе* рассматривается теория термина с опорой на труды ведущих отечественных терминоведов.

Основными направлениями современного терминоведения являются история и теория термина, теория составления терминологических словарей, сопоставительный и типологический анализ терминологических систем различных языков [Гринёв 1993: 27 – 67; Татаринов 1996; Лейчик 2007: 70]. Ведущим аспектом изучения термина является лингвистический. Вместе с тем, как отмечают учёные, до настоящего времени в науке «отсутствует общепринятое определение понятия «термин» [Лейчик 2007: 420].

Трудности в определении сущности и специфики терминологических единиц связаны с их двойственной природой. Согласно взглядам одних исследователей, термин противопоставлен единице общеупотребительного языка как особый специфический знак, обладающий дефинитивностью, системностью, однозначностью, отсутствием синонимов, стилистической нейтральностью [Лотте 1932: 139 – 154; Казанчан 1971: 232; Андреев 1969: 6; Кияк 1989: 52]. Другие исследователи термин квалифицируют не как особый, специфический для языка объект, а как закономерное языковое явление [Головин 1987: 138]. Многочисленные исследования доказывают, что термин имеет «функциональную структуру» [Моисеев 1970: 127 – 138; Володина 1997; Прохорова 1981: 23 – 32; Буянова 2003]. В.М. Лейчик в круг выполняемых термином функций включает «номинативную, сигнификативную, коммуникативную и прагматическую» [Лейчик 2007: 70]. По его мнению, традиционное противопоставление «термин» – «слово» неправомерно, поскольку «между этими единицами существует не отношение контрастности, а отношение логической производности» [Лейчик 1986: 91]. Мы придерживаемся «функциональной теории термина», понимая под термином слово или словосочетание специальной сферы употребления, которые являются наименованием специального понятия и требуют дефиниции; денотат научного термина – понятие данной области знания, определённое рамками данной дисциплины.

Во **втором параграфе** рассматривается вопрос о функциональном статусе и семантическом объёме терминов-понятий «терминосистема» и «терминология».

Вслед за другими исследователями относим совокупность анализируемых в работе терминов к терминологии как одной из функциональных разновидностей национального языка, обслуживающей сферу лингвистики [Прохорова 1996: 6; Лейчик 2001: 53 – 56]. Язык науки при этом рассматривается как самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка, а термин – как основная и наиболее значимая часть лексической системы языка науки [Даниленко 1977: 14 – 15].

В **третьем параграфе** тезисно изложены принципы и научная проблематика КЛШ; дан содержательный анализ термина *Казанская лингвистическая школа*, ставшего в отечественной лингвистике общепринятым [Леонтьев 1960: 12 – 13; Кондрашов 1979: 97; Николаев 2002: 4 – 13]

Вторая глава – «Презентация терминов русского языкознания в исследованиях Казанской лингвистической школы» – включает пять параграфов.

В **первом параграфе** анализу подвергнуты средства выражения, эксплицирующие теоретические положения КЛШ.

В **первом подпараграфе** рассмотрен вопрос о терминологическом различении понятий «язык» и «речь». И. А. Бодуэн де Куртенеэ разграничение языка как потенциальной системы упорядоченных структурных элементов и категорий и языка-деятельности осуществляет с помощью словосочетаний атрибутивного типа *язык племенной или народный / индивидуальный язык, живой язык* и терминологической дихотомией *язык / речь* [Куртенеэ 1963 – I: 77; 238; Куртенеэ 1963 – II: 236]. У Н.В. Крушевского понятия языка и речи последовательно представлено как соотношение инвентаря языковых единиц и их предметной реализации в *живой речи* [Крушевский 1998: 101]. В.А. Богородицкий терминами *язык* и *речь* называет единство «языкового процесса» между «говорящим и слушающим» [Богородицкий 1911: 5 – 6]. Несмотря на то, что термином *речь* в работах казанских обозначается процесс говорения, процесс понимания, а также результат этого процесса, он вскрывает реальную двойственность языка.

Во *втором подпараграфе* проанализированы средства выражения, относящиеся к понятию «системность языка».

В употреблении И.А. Бодуэна де Куртенэ общенаучный термин *система* впервые приобретает лингвистическую спецификацию [Куртенэ 1963 – I: 179; II – 130, 200, 232, 300]. Этот термин учёный употребляет для обозначения совокупности языковых элементов одного уровня. В качестве синонимов к термину *система* И.А. Бодуэн де Куртенэ использует лексемы *группа / разряд* и развёрнутые объектно-определяющие словосочетания с опорным компонентом *структура: фонетическая структура слов и предложений, морфологическая структура слов, морфологическая структура предложений* [Куртенэ 1963 – II: 163 – 174, 260]. Лексический ярус, для которого релевантным является противопоставление значения формальной организации, именуется учёным словосочетаниями *семасиологическая группа, сторона семантических представлений, сторона семасиологическая* [Куртенэ 1963 – II: 163]. Язык как закономерно организованную совокупность локальных подсистем учёный обозначает термином *структура языка* [Куртенэ 1963 – II: 163]. Н.В. Крушевский термин *система* употребляет преимущественно в локальном значении: *система звуковая, системы слов, системы словесных типов, системы неупорядоченные, системы, находящиеся на пути к упорядоченности и вполне упорядоченные системы* [Крушевский 1998: 107, 113 – 114, 131, 145, 148, 164, 171, 181, 183]. Термин *система (языковая)* применительно к языку в целом регистрируется единично, а обобщающее значение термина устанавливается контекстом [Крушевский 1998: 191, 194]. В.А. Богородицкий за термином *система (языковая)* закрепляет родовое понятие [Богородицкий 1913: 54].

Широкое значение термина *система языка* соответствует его современному пониманию, узкое значение получило поддержку среди членов Пражского лингвистического кружка [ЛЭС 1997: 453]. Термин *структура языка*, в определении И.А. Бодуэна де Куртенэ, получил распространение в исследованиях датских структуралистов [Кондрашов 1979: 136 – 138].

Учение о системе языка включает ряд взаимосвязанных терминов-понятий, среди которых *уровни языка (ярусы языка), парадигматические и*

синтагматические отношения. Автором термина *уровни языка* является В.А. Богородицкий [Богородицкий 1935: 207]. Появление этого термина мотивируется представлением казанских исследователей о языке как знаковой системе, согласно которому более простые единицы подчинены более сложным.

Современное представление о парадигматических и синтагматических отношениях элементов языка восходит к учению Н.В. Крушевского о двух типах ассоциаций - *ассоциации по смежности* (порядок последовательности элементов языка) и *ассоциации по сходству* (порядок их сосуществования) [Крушевский 1998: 145; Куртенэ 1963I – I: 177; I: 226]. Выделенные Н.В. Крушевским два типа отношений между единицами языка нашли «себе точное соответствие» в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра, назвавшего их терминами *ассоциативные отношения* и *синтагматические отношения* [Якобсон 1998: 260].

В **третьем подпараграфе** прослеживается история средств выражения, обозначающих понятия «развитие языка» – «история языка».

На терминологическом уровне мысль Н.В. Крушевского о двух языковых осях изначально нашла отражение в виде антонимичных средств выражения: *сосуществование звуковых законов* (область «горизонтального рассуждения») – *изменение звуков во времени* (область «вертикального направления»); *данное состояния языка - предшествующее развитие языка*; *законы статические* – *законы динамические* [Крушевский 1998: 114; 115, 121 – 129]; *развитие языка* («непрерывная продолжаемость существенных изменений, а не явлений») – *история языка* («последовательность или ряд явлений или событий во времени») [Куртенэ 1963 – I: 223, 251]; *синхронистическое сопоставление «явлений»* – *хронология процессов* [Богородицкий 1890: 11 – 12].

Идея развития языка, осмысленная в исследованиях учёных КЛШ, не только позволила разграничить статику и динамику языка на понятийном и терминологическом уровнях, но и опровергала младограмматическую концепцию развития языка.

Во **втором параграфе** анализируется опыт казанских учёных по кодификации базовых терминов языкознания.

Первый подпараграф посвящён изучению семантического объёма термина *язык*.

В исследованиях учёных КЛШ отсутствует чёткое определение термина *язык*. Этот факт объясняется различным взглядом исследователей на сущность языка. У И.А. Бодуэна де Куртенэ определение термина основывается на признании языка как явления *социопсихологического* [Куртенэ 1963 – I: 74 – 75, 77; II: 199 – 200, 312]. В.А. Богородицкий во главу определения термина ставит коммуникативную функцию языка [Богородицкий 1913: 4]. У Н.В. Крушевского содержание термина базируется на семиотической концепции природы языка [Крушевский 1998: 147 – 148]. И.А. Бодуэн де Куртенэ не был удовлетворён ни собственным определением термина *язык*, ни определением, предлагаемым его коллегами. Объективно, по его мнению, наука оказалась ещё не готовой к исчерпывающей дефиниции термина *язык*, поэтому он и его ученики стремились дать не «реальную дефиницию ... которая в сжатом виде заключала бы *implicite* все свойства языка», а предложили каждый собственную «...дефиницию номинальную и указывающую только на предмет, но не предрешающую а priori всех свойств и особенностей (языка)» [Куртенэ 1963 – I: 75].

Во **втором подпараграфе** исследуется понятийный статус терминов *диалект, наречие, говор*.

Семантический анализ терминов *наречие, говор, диалект* показывает, что в употреблении учёных КЛШ они имеют двойную спецификацию. В синхронии, являясь синкретичными, термины транслируют значение «территориальная разновидность языка» [Куртенэ 1963 – I: 135; Куртенэ 1963 – II: 30]; [Богородицкий 1935: 312, 314, 315 – 316]. Кроме того, термин *говор* в исследованиях В.А. Богородицкого осложняется семантикой термина *социальный диалект* [Богородицкий 1935: 316]. В пределах диахронического взгляда на судьбу конкретного языка или группу родственных языков эти термины соотносятся с понятием «диалекты, ведущие начало от одного праязыка» [Куртенэ 1879: 365 – 369; Богородицкий 1935: 267, 270 – 271].

В **третьем параграфе** раскрывается история наименований из области психолингвистики.

Первый подпараграф посвящён изучению специальных наименований раздела «Происхождение человеческого языка».

Современному термину *психолингвистика* у представителей КЛШ соответствует специализированное выражение *прикладное языковедение*. Оно подчёркивает, что в решении вопроса о происхождении *человеческого языка* учёные КЛШ психологии и историческому языкознанию отводили вспомогательную роль [Куртенэ 1963 – I: 74, 141].

Языковое состояние *Homo sapiens* исследователи называют словосочетаниями, которые транслируют семное значение «первоисточник, сущность, первоначальный, самый ранний»: *первобытное образование языка, первобытное образование слова человеческого, первобытный язык, первоначальный язык, начало слова человеческого, начало языка* [Куртенэ 1963 – I: 64, 140, 209; Крушевский 1998: 26]. Терминосочетаниями *первоначальное человеческое языка* и *историческое человеческое языка* соответственно дифференцируются понятия «начальный этап развития языка» и «процесс эволюции внешней стороны языка» [Куртенэ 1963 – I: 260 – 263]. В связи с проблемой эволюции человеческого языка (в современном понимании) И.А. Бодуэн де Куртенэ противопоставляет *спонтанные речевые процессы и рефлексирующие речевые процессы* [Куртенэ 1963 – I: 143].

С лингвистической точки зрения обращает на себя внимание постановка казанскими учёными вопроса о *языке детей/ языковой деятельности детей; детской речи / речи детей* [Александров 1883: 317, 319; Богородицкий 1881: 274; Радлов 1906: 35], *начале языка, зародыше языка* [Куртенэ 1963 – I: 143, 188, 209], составляющими предмет исследования *языковой эмбриологии* [Куртенэ 1963 – I: 143]. А.И. Александров констатирует в детской речи наличие *звукоподражаний, изобразительных слов (слова-символы), нерегулярных слов (окказионализмы), созданных по регулярным моделям, гипертрофию или атрофию языковых элементов, замену трудных звуков (субституция в современной терминологии) на более лёгкие или их опущение при дефектах речевого аппарата* [Александров 1883: 95 – 113].

Во **втором подпараграфе** мы обращаемся к анализу терминов раздела «Язык и мышление».

Освещение проблемы взаимодействия языка и мышления у казанских лингвистов осуществляется на базе терминов *речевая деятельность, общая речевая способность, внутренняя / внешняя речь*, автором которых является И.А. Бодуэн де Куртенэ [Куртенэ 1963 – II: 190] (Ср.: [Щерба 1965: 361 – 364]). Терминосочетание *общая речевая способность* трансформировалось в современный термин *языковая способность* [ЛЭС 1990: 617]. Номинациями *внутренняя речь / внешняя речь* учёный подчёркивает принципиальную разницу между формами речи не столько по признаку их реализации, сколько по их функции [Куртенэ 1963 – I: 262]. Термину *внутренняя речь* И.А. Бодуэн де Куртенэ противопоставляет термин *языковое мышление* с целью разграничения «психического» и «сознательного» в языке [Там же: 263].

В **четвёртом параграфе** предпринято описание понятийной структуры терминов из области сравнительно-исторического языкознания.

Первый подпараграф содержит сведения о специализированных средствах выражения, используемых представителями КЛШ для обозначения сравнительно-исторического языкознания как одного из направлений общего языкознания.

Для обозначения «новой отрасли языкознания» представителями КЛШ были предложены словосочетания *сравнительная грамматика, сравнительное обозрение / сравнительное рассмотрение* и *сравнительное рассмотрение известной группы языков или же языковых областей (территорий), археологическое направление лингвистики* [Куртенэ 1963 – II: 3 – 18; 1963 – I: 371, 373; Крушевский 1893: 42 – 43; Крушевский 1998: 67, 65, 70, 71], *сравнительно-историческая грамматика* [Богородицкий 1890: 6 – 7]. Из конкурирующих средств выражения исследователи отдают предпочтение атрибутивному словосочетанию *сравнительная грамматика*, которым номинируется единая природа метаязыка отрасли языкознания и языка-объекта, хотя Н.В. Крушевский подчёркивает, что «науку не называют по её методу» [Крушевский 1998: 65].

Во **втором подпараграфе** отслеживается история терминов, называющих приёмы сравнительно-исторического изучения языков.

Анализ фактического материала свидетельствует, что терминологическая лексика поля «приёмы сравнительно-исторического метода» образует понятийные блоки согласно уровневой организации языка. Каждый термин содержит структурный элемент, отражающий информацию о конкретном блоке: *перемена звуков* [Куртенэ 1963 – I: 109; Богородицкий 1935: 273] «*фонетический цемент*» [Куртенэ 1963 – I: 110], *фонетические соответствия между отдельными звуками* [Крушевский 1883: 81], *ассимиляция фонетическая (ассимиляция прогрессивная / ассимиляция регрессивная)* [Крушевский 1998: 57; Куртенэ 1963 – I: 161]; *ассимиляция морфологическая (ассимиляция суффиксальная, ассимиляция префиксальная, ассимиляция тематическая, ассимиляция флексивная)* [Крушевский 1998: 51 – 52]; *ассимиляция лексическая (ассонация, аррадикация, адъидеация)* [Крушевский 1998: 53 – 55, 57].

Процесс изменения морфемной структуры слова первоначально учёными КЛШ – «за неимением подходящего термина» – именовался термином *морфологическая абсорбция (морфологическая абсорбция, вызванная фонетическими изменениями; морфологическая абсорбция через посредство пропорциональной аналогии; морфологическо-семасиологическая абсорбция)* [Куртенэ 1963 – I: 159 – 160; Крушевский 1998: 62 – 64; Богородицкий 1881: 58 – 92]. Позднее В.А. Богородицкий «совершенно оставил термин «морфологическая абсорбция», взамен которого «выдвинул» термины *переразложение* и *опрощение*» (*полное или совершенное опрощение / неполное опрощение*) [Богородицкий 1939: 285 – 286]. Спорадически термины *переразложение* и *абсорбция* употреблялись учёным как синонимы. Против такого словоупотребления выступил И.А. Бодуэн де Куртенэ [Куртенэ 1963 – II: 44]. Этот терминологический недочёт был устранён В.А. Богородицким уже в первом издании «Общего курса русской грамматики», где процесс переразложения рассматривается в системе словопроизводства и именуется только соответствующим термином [Богородицкий 2005: 146 – 149].

В **третьей главе** мы обращаемся к системе наименований, используемых казанскими учёными для обозначения категорий и форм современного для них русского языка.

В *первом параграфе* главы представлены сведения об особенностях употребления казанскими грамматистами термина *грамматика*.

Термин *грамматика* И.А. Бодуэн де Куртенэ и его ученики трактуют «в самом широком смысле этого слова»: «... грамматика распадается на следующие отделы: 1) ... *фонетику, фонологию* ... 2) семасиологию ... 3) морфологию ... 4) лексикологию ... 5) этимологию ... » [Куртенэ 1963 – II: 100; Богородицкий 2005: 5; Александров 1889: 3]. Объяснение языковых процессов с физиологической и психологической точек зрения предопределило специфическое употребление терминов *фонетика, морфология* и *синтаксис*.

Исследователи Казанской лингвистической школы переосмыслили значение терминов *фонетика* и *фонология*, своеобразно интерпретированных Ф. де Соссюром [ЛЭС 1990: 556]. И.А. Бодуэн де Куртенэ эти термины не противопоставляет друг другу, полагая, что они называют разные понятия одного явления [Куртенэ 1963 – I: 354]. Принципиально новым для выявления понятийного статуса термина *фонология* явились его размышления о том, что «звуки речи с функциональной точки зрения изучает *фонология*» [Куртенэ 1963 – I: 353; 354 – 359; Амирова 2006: 111; ЛЭС 1990: 555]. Для обозначения раздела фонетики, предметом изучения которого является биологический аспект звуков речи, казанскими исследователями употреблялись следующие наименования: *физиология звука / физиология речи* (Lautphysiologie, Sprachphysiologie), *фонетика*, известные из работ Э. Зиверса [Богородицкий 2005: 52; Куртенэ 1963– I: 109; Александров 1884: 6 – 17], *антропофоника* [Куртенэ 1963 – I: 354; Крушевский 1998: 64, 65 – 70], *фонетика в тесном смысле, историческая фонетика* [Крушевский 1998: 69], *фонетика антропофоническая, фонетика психофонетическая, психофонетика, фонетика акустико-физиологическая или антропофоника* [Куртенэ 196 – I: 272]. В качестве ведущего наименования для рассматриваемого понятия И.А. Бодуэн де Куртенэ предлагает использовать термин *фонетика*. Значение термина *психофонетика*, определённое И.А. Бодуэном де Куртенэ, является в настоящее время устаревшим – в этом значении функционирует термин *фонология*. Термин *психофонетика* получил распространение в современной психолингвистике,

связывающей психофонетику с языковым мышлением [Кульшарипова 1997: 36 – 39].

Употребление термина *морфология*, происхождение которого связывают с именем И.В. Гёте, позволило казанским учёным переосмыслить денотативное содержание термина *этимология* и вернуть ему значение, близкое к тому, какое он имел в античной философской традиции [Березин 1979: 34 – 39; ЛЭС 1990: 596 – 597; Куртенэ 1963 – II: 11–12; 100; Богородицкий 2005: 4–5]. Вместе с тем, казанские исследователи наполнили термин *морфология* содержанием, которое отличается по ряду параметров от современного толкования, – им обозначаются не только собственно морфологический и словообразовательный уровни языка, но и «лексикология с семасиологией и даже синтаксис» [Черепанов 1960: 146. (Ср.: [Куртенэ 1963 – I: 214; Крушевский 1998: 67; Богородицкий 2005: 5; Анастасиев 1887: 47]). В петербургский период научной деятельности И.А. Бодуэн де Куртенэ осознавал необходимость изучения семантики языковых единиц вне поля «представлений строго языковых». Раздел языкознания, связанный с изучением значения слов и их способностью обозначать явления внеязыковой действительности, будет назван учёным термином *лексикология* [Куртенэ 1963 – II: 17].

Термин *синтаксис* находит отражение в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.А. Богородицкого [Куртенэ 1963 – I: 66; Богородицкий 1935: 207]. Учёные полагают, что синтаксический анализ речи простирается только до пределов отдельного слова, анализ которого входит в задачу морфологии. Это положение объясняет, почему *синтаксис* представителями Казанской лингвистической школы понимался «как морфология высшего порядка».

Несмотря на неприемлемость в настоящее время значения, вкладываемого казанскими учёными в термин *грамматика*, исторически оно было оправдано, так как обращало внимание исследователей на взаимодействие разных элементов системы языка, что способствовало возникновению учения о фонеме и лексикологии как отрасли языкознания.

Второй параграф включает сведения о терминологическом обозначении фонетических единиц.

В *первом подпараграфе* рассматривается история терминологического разграничения звука речи и звука языка.

В разрешении вопросов о «простейшей фонетической единице» и «различении чисто фонетических и лингвистических единиц» центральное место у казанских исследователей занимают два термина: традиционный термин *звук* и термин *фонема*. Термин *фонема* в русской языковедной традиции первоначально употребил Н.В. Крушевский, однако в его интерпретации он был лишён фонологического содержания [Крушевский 1998: 93]. Окончательно понятие фонемы было выработано И.А. Бодуэном де Куртенэ: «... если мы встанем на почву действительного языка ... нам уже не будет достаточно понятия з в у к а, и мы будем искать другого термина ... Именно таким термином и является термин ф о н е м а» [Куртенэ 1963 – I: 351].

Определение фонемы даётся учёным с психологической точки зрения, с точки зрения составных типовых элементов, названных впоследствии различительными признаками; третье понимание фонемы И.А. Бодуэном де Куртенэ было связано с трактовкой фонемы как подвижного элемента морфемы [Куртенэ 1963 – I: 121, 351; Куртенэ 1963 – II: 271; Куртенэ 1963 – II: 276]. Для обозначения составляющих элементов фонемы представлен ряд терминов, получивших поддержку и развитие в языке науки, – *кинема*, *акусма*, *кинакема* [Куртенэ 1963 – I: 313, 2004: 195 – 197].

Во *втором подпараграфе* анализируется корпус терминологических номинаций, связанных с чередованием звуковых единиц.

Для обозначения изменяемого звука «в известных формах одного и того же слова, основы или корня» казанскими исследователями были приняты термины *альтернация звуков (альтернация) / чередование звуков (чередование)* [Куртенэ 1963 – II: 274; Богородицкий 2005: 61]. У Н.В. Крушевского этот термин имеет родовое значение, поскольку он выделяет «несколько классов альтернатив»: *чередование первой категории / дивергенция (дивергент основной / дивергент производный), чередование второй категории (коррелятивы), чередование третьей категории (коррелятивы)*» [Крушевский 1998: 75 – 80]. И.А. Бодуэн де Куртенэ порицал коллег за изобретение новых и необычных терминов, признавая одновременно неудовлетворитель-

ными собственными нововведениями: *когеренция, антропофоническая когеренция, гетерогены, моногены, полигены, аморфные коррелятивы* [Куртенэ 1963 – I: 118 – 119, 270].

Многие терминологические недочёты были устранены И.А. Бодуэном де Куртенэ в работе «Опыт теории фонетических альтернатив», в которой изучение чередований осуществляется в трёх ракурсах: 1) с точки зрения причинности («антропофоническая, психическая и социальная обусловленность»); 2) с точки зрения генезиса; 3) с точки зрения простоты или сложности сопоставления.

С антропофонической точки зрения альтернативы распадаются на два больших класса: 1) *неофонетические альтернативы / чисто антропофонические альтернативы / чисто фонетические альтернативы = дивергенция*; 2) *не-неофонетические альтернативы / палеофонетические альтернативы, фонетико-этимологическую дивергенцию* [Куртенэ 1963 – I: 281, 295 – 296]. Чередующиеся единицы, вызывающие смысловые или морфологические нюансы, учёный называет *психофонетическими альтернативами* или *коррелятивами*. Соответственно, чередования, не вызывающие «семасиологических» или грамматических представлений, классифицируются им как *не-психофонетические альтернативы* или *не-коррелятивы* [Там же: 28, 301]. Альтернативы с позиций «социальной причинности» определяются учёным как *традиционные альтернативы / палеофонетические альтернативы* [Там же: 310].

Классификация альтернатив с точки зрения их происхождения даёт ответ на вопрос, какой язык – родной или «какой-либо другой» – является источником чередования. Ответ на вопрос заключён в антонимических терминологических сочетаниях *внутренние альтернативы / природные альтернативы / собственноязычные альтернативы – иноязычные альтернативы (альтернативы иноязычные одноязычные, иноязычно-природные двуязычные альтернативы)* [Там же: 282, 313]. В качестве основных терминов, классифицирующих альтернативы с точки зрения этимологии, выступают термины *внутриязыковые альтернативы / иноязычные альтернативы* [Там же: 333].

Классификация альтернатив с точки зрения генезиса принимает во внимание степень их удалённости от источников «антропофонической и психической причинности». В соответствии с этой установкой И.А. Бодуэн де Куртенэ различает три стадии альтернатив: *зарождающиеся* (*первоначальные, эмбриональные*) *альтернативы* («альтернативы с минимальными различиями»); *живые альтернативы* («ясные и легко определяемые альтернативы»); *угасшие альтернативы / устранённые альтернативы* (чередования звуковых элементов, не являющихся актуальными для современного языка) [Там же: 285, 320, 119]. Переходное состояние чередований маркируется терминами-словосочетаниями атрибутивного типа *устраняемые / исчезающие / рудиментарные альтернативы*, являющимися в употреблении учёного контекстуальными синонимами [Куртенэ 1963 – I: 285, 332].

Классификация фонетических альтернатив с точки зрения простоты или сложности сопоставлений осуществляется у И.А. Бодуэна де Куртенэ с помощью контрадикторных терминологических сочетаний *эквивалентные фонемы – неэквивалентные фонемы*, использованных Н.С. Трубецким при классификации фонологических оппозиций [Куртенэ 1963 – I: 290; Трубецкой 1960: 132].

Третий параграф включает сведения о терминологических наименованиях из области морфемики и словообразования.

В **первом подпараграфе** анализируются термины, обозначающие материальную структуру слова.

И.А. Бодуэн де Куртенэ в обиход отечественного языкознания ввёл термин *морфема* в качестве названия «действительной части слова» [Маслов 1961; Климов 1967; Николаева 1988: 111]. Исследователь квалифицировал термин *морфема* как родовой, призванный объединять видовые названия морфем: *коренная морфема, вспомогательная морфема, нулевая морфема* [Куртенэ 1963–I: 122, 123; Куртенэ 2004: 179. (Ср.: [Булич 1910: 7; Богородицкий 2005: 134]).

Общелингвистический термин *аффикс* казанские исследователи не употребляют – его отсутствие может быть объяснено стремлением дифференцировать морфемы словообразовательные и морфемы словоизменительные

[Куртенэ 1963 – II: 101]. В качестве родового названия для морфем, присоединяющихся к корню, исследователями используются словосочетания *морфологические второстепенные единицы* [Крушевский 1998: 66], *придаточные морфологические части слова* [Богородицкий 2005: 134], *морфемы прибавочные / морфемы приставочные* [Куртенэ 1963 – II: 101], *второстепенные части слов* [Булич 1910: 20-23]. Эти номинации конкуренции с термином *аффикс* не выдержали вследствие многословности и непоследовательного терминологического разграничения служебных морфем.

Противоречиво в изложении казанских учёных представлено употребление термина *суффикс*. Н.В. Крушевский выделяет в качестве самостоятельных морфем *суффикс* и *окончание*, но предлагает их не дифференцировать [Крушевский 1998: 154 – 155]. С.К. Булич использует термины *окончание* и *суффикс* как полные синонимы и даже объединяет два термина в один: «Перейдём теперь к суффиксам-окончаниям» [Булич 1910: 24, 26, 32]. И.А. Бодуэн де Куртенэ разграничивает понятия «окончание» и «суффикс», однако допускает смешение специализированных средств выражения для обозначения суффикса как части слова: *суффикс*, *аффикс*, *постфикс*, *послелог* (калька от лат. *postposition*) [Куртенэ 1963– II: 101, 141]. Последовательность в обозначении суффикса и окончания как служебных морфем соответствующими терминами демонстрирует только В.А. Богородицкий [Богородицкий 2005: 134].

Объективно, с точки зрения современной науки, представители КЛШ понимают и определяют статус термина *префикс / приставка*. [Богородицкий 2005: 134; Булич 1910: 42; Куртенэ 1963 – II: 101]. Дефиниция термина учитывает положение морфемы относительно корня, семантику префиксов и особенности их функционирования в процессе словопроизводства [Богородицкий 2005: 134; Булич 1910: 42; Куртенэ 1963 – II: 101].

Во **втором подпараграфе** представлены сведения о специализированных средствах выражения из области словообразования.

Центральными терминами в работах казанских грамматистов, касающихся вопросов деривации, являются термины – кальки *словопроизводство* и *словообразование*. В.А. Богородицкий квалифицирует эти термины как пол-

ные синонимы, отдавая предпочтение в употреблении второму термину [Богородицкий 2005: 138, 139, 193. (Ср.: [Ахманова 1966: 414]). Н.В. Крушевский предпринимает попытку регламентировать употребление этих терминов. Говоря о результатах образования слов в синхронии, он апеллирует к термину *словообразование*. В том случае, когда учёный рассматривает «ненаучное» образование слов или их образование в динамическом аспекте, он употребляет термин *словопроизводство* [Крушевский 1998: 146, 181, 187]. Приоритетное использование термина *словообразование* И.А. Бодуэн де Куртенэ объясняет тем, что в термине *словопроизводство* отсутствует информация о связи словообразовательного уровня с другими уровнями языковой системы [Куртенэ 1963 – I: 66; 214].

Ряд специализированных выражений казанских грамматистов из области словообразования изначально был принят языкознанием в качестве терминов: *сложное слово, первообразные существительные, производные существительные, суффиксальное производство, суффиксальный способ, префиксальный способ* [Богородицкий 2005: 138, 193; Булич 1910 – 2: 22].

Терминологические новации Н.В. Крушевского *типы слов, серии слов, образцы слов, генетическое значение слова, индивидуальное значение слова*, отражающие взгляд учёного на типологию отношений в системе словообразования, явились отправными точками для появления современных терминов *морфология, словообразовательный тип, словообразовательное значение, лексическое значение слова* [Крушевский 1998: 54, 65, 93, 159, 190 – 192; Якобсон 1998: 259; ЛЭС 1990: 315 – 316; Земская 1951: 65; Николаев 2001: 49 – 50].

В **четвёртом параграфе** проводится анализ наименований частей речи русского языка.

Из представителей КЛШ изучением вопросов морфологии систематически занимался В.А. Богородицкий. Источником наименований морфологической подсистемы, которой пользуется исследователь, являются стабильные учебные пособия по русской грамматике предшественников и современников. Уточнение учёным денотативных признаков термина *имя существительное* способствовало появлению терминологических новаций, которые

квалифицируют существительные по лексико-грамматическим разрядам: *конкретно-умственные существительные / конкретные существительные, абстрактно- или чисто умственные существительные/ существительные абстрактные* [Богородицкий 2005: 157 – 159, 160, 164]. Благодаря толкующей части определения «права гражданства» получают термины *полнозначные слова / знаменательные слова, частица* [Богородицкий 2005:152, 154; Леденёв 1988: 57]. Другие терминологические новации В.А. Богородицкого (*части речи придаточные / части речи подчинённые, неродовая категория*) потеряли свою актуальность в связи с новыми подходами, положенными Л.В. Щербой и В.В. Виноградовым в основу деления частей речи [Богородицкий 2005: 163 – 164; ЛЭС 1990: 417].

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются выводы и намечаются перспективы исследования.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в восьми публикациях автора общим объёмом 3,5 п.л.:

1. Акимова Е.В. Проблемы формирования терминологической лексики и принципы их решения представителями Казанской лингвистической школы // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартовского гуманитарного университета: Сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2009. С. 67 – 76 (0,7 п.л.).

2. Акимова Е.В. Термины *диалект, наречие, говор* в метаязыке представителей КЛШ // Русский язык: история, диалекты, современность. Выпуск XIII: Сб. науч. тр. М.: Изд-во МГОУ, 2013. С. 6 – 13 (0,6 п.л.).

3. Акимова Е.В. Термин и понятие «грамматика» в изложении казанских исследователей // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: Материалы I межд. науч.-практ. конф. М., НИЦ «Апробация»: Изд-во «Перо», 2013. С. 78 – 80 (0,2 п.л.).

4. Акимова Е.В. К вопросу о статусе термина «морфология» // Актуальные вопросы науки: Сб. материалов IX межд. конф. М.: Изд-во «Спутник +», 2013. № 9. С.5 – 8 (0,3 п.л.).

**Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых
в перечень ВАК:**

5. Акимова Е.В. В поисках сущности базовых терминов из области изучения фонетики исторической русистики // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 48. Серия: Филология. Искусствоведение. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. № 32. С. 6 – 10. (0,4 п.л.).

6. Акимова Е.В. Терминология Казанской лингвистической школы из области психолингвистики // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 69. Серия: Филология. Искусствоведение. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2012. № 23. С. 5 – 13 (0,7 п.л.).

7. Акимова Е.В. Взгляд казанских грамматистов на семантический статус термина «морфология» // Вестник Московского государственного университета. Серия: Филология. М.: Изд-во МГУ, 2013. № 4. С.7 – 10 (0,3 п.л.).

8. Акимова Е.В. Терминология наименований поля «части речи» в представлении Казанской лингвистической школы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2014 . № 1. С. 10 – 13 (0,3 п.л.).

Акимова Елена Виталиевна

Роль Казанской лингвистической школы в формировании
терминологии современного русского языкознания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 15.04. 2014 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5

Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 90 экз. Заказ.

Отпечатано полиграфическим отделом
Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14.